

или, по крайней мѣрѣ, литературной группы. Не столько различіе толкованій, какъ широта современныхъ требованій затрудняютъ исчерпывающее опредѣленіе. Мы упоминали о естественно-научной постановкѣ вопроса о поэзіи; но ни попытка объяснить возникновеніе произведенія путемъ внѣшнихъ агентовъ, ни стараніе свести дѣйствіе прекраснаго къ дѣйствию чисто физическому, ни современный опытъ указать въ поэзіи физическіе законы — въ односторонней цѣльности своей не обѣщаютъ быть долговѣчными даже среди тѣхъ литературныхъ партій, гдѣ эти взгляды держатся теперь. У теоретиковъ же, стоящихъ внѣ школы, все чаще находимъ указаніе на древнее опредѣленіе: „Прекраснымъ называется то, что возбуждаетъ наибольшее число представлений въ наименьшемъ пространствѣ“, какъ ближе соотвѣтствующее тому идейному объему, котораго требуетъ современность. Поэзія, какъ ширь воображенія, отодвигается на второй планъ; но доходившіе до крайности нападки на „искусство ради искусства“ уступаютъ мѣсто болѣе глубокому пониманію того, что „показать“ уже значитъ „доказать“. Можетъ статься, именно въ чистомъ искусствѣ легче примирить науку съ поэзіей, чѣмъ въ тенденціозныхъ произведеніяхъ. Наука формулируетъ явленіе и объясняетъ законъ его; ясновидѣнье поэта даетъ живой образъ этого явленія, одухотворяетъ представленія науки. Въ этомъ взглядѣ можетъ найти оправданіе и историческій романъ, такъ часто подвергающійся въ наше время нападкамъ. Истина субъективная увлекаетъ насъ искренностью убѣжденій; истина объективная, основанная на знаніи и наблюденіи, поучаетъ безъ дидактическихъ пріемовъ и безъ тенденцій, даетъ намъ жизненную правду, не подверженную личнымъ заблужденіямъ.

Согласно съ широкими, многосторонними цѣлями искусства, литературная и художественная критика измѣнилась; критикъ уже не подходитъ къ произведенію съ готовой мѣркой опредѣленныхъ теорій; отъ него требуется и болѣе той отзывчивости и воспримчивости, какія дѣлаютъ его посредникомъ между художникомъ и обществомъ; отъ него ждутъ той обширности пониманія, которая является цвѣтомъ и плодомъ многосторонняго духовнаго развитія. Потому критика, въ лучшемъ и самомъ широкомъ значеніи слова, критика, нашедшая только въ концѣ XVIII-го вѣка въ Германіи немногихъ представителей — новаторовъ, есть, по преимуществу, продуктъ XIX-го вѣка, аналитическому характеру котораго она соотвѣтствуетъ. Такъ какъ произведенія сильнѣе всего трогаютъ насъ тѣмъ, что трудно поддается анализу, то едва ли возможно найти удовлетворительное опредѣленіе поэти-